

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.16>

Грушевская Елена Сергеевна

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ДИСКУРСА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
КАТЕГОРИИ АДРЕСАТНОСТИ**

Основная тема реферируемой работы касается возможности расширения теоретического изучения вопросов, относящихся к анализу дискурса, ведущим компонентом которого является категория адресатности. Цель статьи - обосновать необходимость применения совокупности методологических направлений - герменевтического, синергетического, людического - к исследованию дискурса с проекцией на категорию адресатности. Новизна подхода заключается в осмыслении перечисленных направлений в широком пространстве гуманитарного знания, необходимом для комплексной характеристики и интерпретации категории адресатности сквозь призму субъект-субъектных отношений. Результаты исследования показали, что интегративный характер представленных подходов является собой эффективный инструмент для комплексного анализа различных ипостасей коммуникантов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/9-1/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(87). Ч. 1. С. 73-77. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

8. Рублева О. Л. Лексикология современного русского языка. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. 250 с.
9. Русско-татарский словарь биологических терминов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 198 с.
10. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учеб. для студ. высш. учеб. завед.: в 2-х ч. / под ред. Е. И. Дибровой. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Изд. центр «Академия», 2006. Ч. 1. 480 с.
11. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология. Вопросы теории. М.: Либроком, 2012. 248 с.
12. Татар лексикологиясе: 3 томда / ред. Г. Р. Галиуллина. Казан: ТӘҺСИ, 2016. Т. 2. 392 б.
13. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / баш. ред. Ф. А. Ганиев. Казан: Матбугат йорты, 2005. 848 б.
14. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда / ред. Л. Т. Мәхмүтова, М. Г. Мөхәммәдиев, К. С. Сабиров, Ш. С. Хан-бикова. Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. Т. 3. 832 б.
15. Татарская грамматика / на татарском языке; под ред. М. З. Закиева. М. – Казань: Инсан; Фикер, 1998. Т. 1. 512 с.
16. Фасеев Ф. С. Татар телендә терминология нигезләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1969. 200 б.
17. Чернышова Л. А. Антропологические аспекты современной отраслевой терминологии (на материале терминологии железнодорожного транспорта): автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2011. 41 с.
18. Шведчикова Т. В. Способы выражения пола в наименованиях животных в русском языке: дисс. ... к. филол. н. М., 1998. 176 с.
19. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.
20. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Изд-е 2-е. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

**SOME OF THE FEATURES OF HYPONYMIC RELATIONS
(BY THE EXAMPLE OF ZOOLOGICAL TERMINOLOGY OF THE TATAR LANGUAGE)**

Galimova Ol'ga Nikolaevna, Ph. D. in Philology

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan
Olgan_77@mail.ru*

The article considers hyponymic relations in zoological terminology. In the course of the analysis, the study reveals some peculiarities of genus-species relations connected with linguistic features, the semantics of the term and extralinguistic factors. The author is of the opinion that the semantics of the term plays an important role in determining hyponymic relations, since even in the presence of formal indicators relations between the hyperonym and the hyponym may be revealed only at the level of semes. The peculiarities of filling lacunae in the hyponymic group are considered. The obtained data contribute to the improvement of the structural organization of terms.

Key words and phrases: hyponymy; hyperonym; cohyponyms; terminological system; zoological terminology; ichthyonym; Tatar language.

УДК 81'42

Дата поступления рукописи: 05.06.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.16>

Основная тема реферируемой работы касается возможности расширения теоретического изучения вопросов, относящихся к анализу дискурса, ведущим компонентом которого является категория адресатности. Цель статьи – обосновать необходимость применения совокупности методологических направлений – герменевтического, синергетического, людического – к исследованию дискурса с проекцией на категорию адресатности. Новизна подхода заключается в осмыслении перечисленных направлений в широком пространстве гуманитарного знания, необходимом для комплексной характеристики и интерпретации категории адресатности сквозь призму субъект-субъектных отношений. Результаты исследования показали, что интегративный характер представленных подходов являет собой эффективный инструмент для комплексного анализа различных ипостасей коммуникантов.

Ключевые слова и фразы: дискурс; герменевтика; синергетика; игра; адресантно-адресатная коммуникация.

Грушевская Елена Сергеевна, к. филол. н.
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
kff-kubsu@yandex.ru

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ДИСКУРСА
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КАТЕГОРИИ АДРЕСАТНОСТИ**

Введение

Актуальность нашей работы в общем контексте лингвистических исследований обусловлена факторами, связанными с проблемами анализа дискурса, с интерпретацией его компонентов в целом, среди которых особое место занимает участник(и), субъект(ы) коммуникации. В лингвистической литературе ранее сформулированы продуктивно используемые подходы (измерения) в теории дискурса. Задача комплексного исследования

категории адресатности в пространстве адресантно-адресатной коммуникации обуславливает и формирует *новизну* настоящего исследования – обращение к расширенному контексту гуманитарных методологических концепций, образующих, соответственно, дополнительные подходы, такие как герменевтический, синергетический, игровой. На наш взгляд, они представляются базовыми к другим, ранее подробно описанным подходам (измерениям) в теории дискурса [13; 21]. Принятие предлагаемых нами подходов в качестве методологического основания обеспечивает актуализацию совокупного процесса в упрощенной схеме: Герменевтика – Синергетика – Игра. *Объектом* исследования является категория адресатности как ведущий компонент дискурса, а *предметом* – понятия, способствующие актуализации объекта изучения. *Цель* работы – выявить интегративный характер предлагаемого нами нового триединого методологического подхода в области анализа дискурса и обосновать его продуктивность при исследовании категории адресатности. *Задачи*, вытекающие из цели: 1) проанализировать и охарактеризовать каждое из направлений (герменевтический, синергетический, людический); 2) обосновать интегративный характер категориального аппарата обозначенных направлений; 3) предложить понятия, обуславливающие и формирующие продуктивность комплексного подхода для интерпретации категории адресатности.

Для решения перечисленных задач в работе закономерно применялись классические *методы* теоретического анализа и синтеза, а также интерпретационный метод. Результаты исследования могут найти *практическое применение* в широком контексте толкования категории адресатности.

Основная часть

Решение поставленных задач связывается нами с понятием категории адресатности. Последовательное изучение и изложение теоретических предпосылок, способствующих ее интерпретации, начнем с области герменевтики.

Герменевтическая ипостась как одна из областей философского знания, отмеченная именами Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, формируется как пространство разностороннего подхода к проблемам истолкования и понимания. Концепции философов представлены в двух направлениях: 1) *субъективный* (психологичный, интуитивный, эстетичный); 2) *интерсубъективный* (онтологичный, феноменологичный, темпоральный). При этом признается наличие общих черт [1].

Герменевтика как философское искусство по реконструкции текстов толкует искусство понимания как «искусство понимания акта речи», а целостное понимание – как последовательный процесс: 1) «понимать речь сначала наравне с автором»; 2) «потом и превзойти его» [25, с. 64]. Для В. Дильтея герменевтика – это наука о духе, направленная на интерпретацию художественного творчества. Интуиция Шлейермахера дополняется Дильтеем фантазией в поэтическом творчестве, что взывает к жизни «некий способ смотреть на мир» [12, с. 283]. В концепции М. Хайдеггера жизнь так же есть проявление прежде всего духа, а бытие предстает как понимание. Суть понимания онтологична, в нем устанавливается связь «человек в мире» vs «мир в человеке». Понимание обретается как самопонимание [23]. Онтологический подход позволяет Г.-Г. Гадамеру рассуждать о смысле жизни, о дискурсивном опыте, о встрече двух «горизонтов сознания» – прошлого и настоящего, автора и читателя, традиции и современности, с учетом «опыта осмысления». Особое место он отводит опыту литературы, в которой «заложена точка пересечения искусства и науки» [7, с. 214].

Представления о субъективном характере смыслоформирования связывают концепцию Г.-Г. Гадамера о допонятийных формах понимания («предпонимание», «предвосхищение», «преднамерение», «предмнение») и концепцию П. Серио о наличии двух фундаментальных для теории дискурса понятиях («преконструкт», «стыковка высказываний»), которые позволяют перейти от логико-лингвистической теории к теории дискурса: «Дискурс всегда соотносится с “уже сказанным” и “уже слышанным”» [21, с. 29] (ср. с всякий говорящий «преднаходит» слово у другого (М. М. Бахтин)). Такое понимание ведет к новой трактовке смысла: «Семантическая единица не может образовываться как постоянная и однородная проекция “коммуникативного намерения”, она образуется скорее как *некий узел в конфликтном пространстве* (курсив автора статьи. – Е. Г.)» [Там же, с. 30]. Подобное видение, в свою очередь, указывает на онтологическую асимметрию в субъект-субъектном взаимодействии, подчеркивая базовую роль категории адресатности как «узловой» сущности. Ж. Отье-Ревю, как и М. Бахтин, говорит о диалогизме как об условии смыслоформирования: «многоакцентность» слова объясняется как «противоречивые акценты», пересекающиеся внутри каждого слова [19, с. 71].

Континуальную, текучую природу дискурса, противопоставленную дискретности / стабильности, констатировали многие исследователи, среди которых отметим характеристику дискурса как коммуникативного пространства, данную Б. М. Гаспаровым: «...интерпретирующая мысль адаптируется к коммуникативному пространству, каким оно представляется говорящему в данный момент. Однако в следующий момент, под воздействием какого-то нового впечатления или даже под воздействием нового оборота, который приняла мысль самого говорящего, это представление может в большей или меньшей степени измениться; тем самым изменяются и все *направляющие линии* (курсив автора статьи. – Е. Г.), по которым разворачивается процесс языкового выражения и интерпретации» [9, с. 306].

Узловой характер герменевтической проблемы опыта, представленный в дихотомии «Я» / «Ты» («Другой») на различных уровнях, закономерно переходит в область психоанализа: «...сама материальная структура языка позволяет, чтобы в линейности речевой цепочки слышалась непредумышленная полифония всякого дискурса, через которую анализ и может пытаться выявить следы бессознательного» [19, с. 80].

Таким образом, герменевтический подход, естественным образом проникающий в область психоанализа, подготавливает почву для вовлечения синергетического подхода в качестве всеобъемлющего, тем самым

раскрывающего различные грани в субъект-субъектной коммуникации. В синергетике как теории самоорганизации представлены образцы (паттерны), своего рода аксиомы, для науки в целом. Среди многих образцов отметим те, которые в современной лингвистике постепенно находят свое воплощение: «...математическое знание не является универсальным языком и стандартом познания – не менее важны качественные, “понимающие” методы»; «...детерминизм в описании мира не исключает случайность – они согласуются и взаимодополняют друг друга»; «...хаос не только разрушителен, но и конструктивен»; «...развитие мира происходит по нелинейным законам» [4, с. 29-30].

Полагаем, что синергетическая природа дискурса была обозначена еще А. Ф. Лосевым в его толковании языка: «...язык оказывается сплошным континуумом, в котором прерывные точки тонут до полного слияния» [15, с. 455]. В современной отечественной традиции вопросы психолингвистики и лингвосинергетики изучаются в направлении особенностей формирования текста / дискурса [3; 17].

В методологическом ключе в теории самоорганизации целостно рассматривается проблема индивидуального сознания и коллективного бессознательного. При этом делается попытка «показать, что развертывание архетипической символической иерархии в ходе индивидуации (по Юнгу) соответствует логике развертывания основных этапов и алгоритмов универсального процесса самоорганизации» [4, с. 350]. В области филологической (лингвистической) теории данный процесс был подмечен ярким представителем отечественной школы дискурсологии В. Н. Волошиновым в положении о двух планах субъективного (индивидуально-субъективное и социально-субъективное), направленном на акцентирование значимости коллективного компонента: «То, что я знаю, вижу, хочу и люблю, не может подразумеваться. Только то, что мы все говорящие знаем, видим, любим и признаем, *в чем мы все едины* (курсив автора статьи. – Е. Г.), может стать подразумеваемой частью высказывания» [6, с. 67]. Коллективное начало выполняет организующую функцию, создает порядок, нейтрализует шаткость индивидуального начала: «...порядок на макроуровне сопряжен с беспорядком на микроуровне. Это соотношение выражено с наибольшей полнотой в мифологеме лабиринта как архетипического прообраза миропорядка» [4, с. 372]. В образе лабиринта целостно взаимодействуют хаос и порядок: 1) образ лабиринта связан с хаосом, «с бессмысленным блужданием по тупикам и поворотам этого сооружения, которое имеет лишь вход, но не имеет выхода»; 2) при этом «вся “интрига” лабиринта состоит в том, что этот высший структурный порядок сокрыт для непосвященного, блуждающего в лабиринте», что «рождает “священный ужас лабиринта”» [Там же, с. 368].

Синергетический подход как методологическое основание для любого знания ценен и продуктивен для изучения проблем в области лингвистики, в анализе дискурса в частности. Он благодатен в теоретическом и практическом аспектах. Принципы теории самоорганизации позволяют строить новые модели на базе уже существующих. Так, использование результатов синергетики образования, к примеру, может способствовать конкретизации и обобщению коммуникативно-стратегических и ценностных характеристик при исследовании педагогического дискурса.

Глобальная роль синергетики явлена в ее организационной функции: «...конструктивная роль хаоса в организации порядка» иллюстрируется обычаями, карнавалами и др., в которых «моделируется наступление социальной дезорганизации, умирания мира, погружения Космоса в Хаос» [Там же, с. 387]. При этом материальной основой актуализации организационной, вместе с тем регулирующей функции является игра. Таким образом, людский подход представляется еще одним благодатным полем в интегративном исследовании дискурсивного пространства.

Игровому принципу с давних времен уделяется внимание в различных направлениях гуманитарного знания (философия, политика, культурология, антропология, социология, психология, педагогика, литературоведение, эстетика, поэтика, семиотика, лингвистика). Игра представляется как форма жизни, деятельность, искусство, универсальный принцип в культуре, объединяющий сферы проявления игры в социуме: правосудие, политическая жизнь, искусство, философия, поэзия и др. [24].

В большей или меньшей степени названные подходы вносят свой вклад в область лингвистических исследований. К примеру, они нашли свое выражение в изучении этнографических особенностей игр, знание которых важно в межкультурной коммуникации (см. – Касавин (1998) [14] о принципах языковых игр в радикально отличающихся культурах); в области психоанализа для обоснования существующей регламентированной ситуации, для экспликации процесса порождения языковой игры с проекцией на уровни сознания [22]; в традиции дискурс-анализа как фундамента для порождения и интерпретации игры смыслов [10].

Игра суть деятельность, практика, она вплетена в дискурс. Вместе с тем игра интегрирована в бытие, она есть совершение движения [7, с. 149]. Согласно Х. Ортега-и-Гассету, игровое искусство есть «чистая игра», при этом, безусловно, элитарная: «Художник наших дней предлагает нам смотреть на искусство как на игру, как, в сущности, на насмешку над самим собой» [18, с. 254].

Далее, понимание игры конкретизируется, рассматривается ее агональный характер в двух аспектах – субъект-субъектном («соревнование с партнером») и субъект-объектном («соревнование с материалом») [24]. Третий случай понимания игры эксплицируется как игра ради самой игры, ради шутки. В такой игре часто имеет место переделывание привычных форм [8], что относится к лингвистическому аспекту. В данном направлении начало положено, как известно, Ф. де Соссюром, сравнившим язык с игрой в шахматы. Шахматная метафора, как наиболее удобная для интерпретации дискурса, нашла свое развитие в различных теориях: «В ряду суждений, развивающихся из образа, последующие возможны только тогда, когда предшествующие объективированы в слове. Так, шахматному игроку нужно видеть перед собою доску с расположенными

на ней фигурами, чтобы делать ходы, сообразные с положением игры; как для него сначала смутный и шаткий план уясняется по мере своего осуществления, так для мыслящего – мысль, по мере того как выступает ее пластическая сторона в слове и вместе как разматывается ее клубок» [20, с. 140]; «...термин ‘языковая игра’ призван подчеркнуть, что *говорение* на языке представляет собой компонент некоторой деятельности, или некоторой формы жизни» [5, с. 88].

Концептуальный принцип Л. Витгенштейна, отмеченный как принцип «употребление», явлен в полифонической концепции М. Бахтина о смысле слова в употреблении. Таким словом является «слово-лазейка»: «По своему смыслу слово с лазейкой должно быть последним словом и выдает себя за такое, но на самом деле оно является лишь предпоследним словом и ставит после себя лишь условную, не окончательную точку» [2, с. 313]. Подобные мысли находим и в зарубежных концепциях: «Смысл – это всегда двойной смысл». Он актуален при репрезентации смысла как события, которое «по самой сути принадлежит языку» [10, с. 42]. Двойной смысл актуализируется посредством различающего знака “Differance”: обеспечивает возможность двойного смысла: «...мы должны признать здесь некую *игру*, где *проигравшие одновременно выигрывают* и где всякий, кто побеждает, в то же время проигрывает (курсив автора статьи. – Е. Г.)» [11, с. 148].

В качестве завершающей концепции в нашей статье отметим описание базовых характеристик и принципов «игровой поэтики» как «поэтики игрового текста», выдвинутых А. М. Люксембургом: амбивалентность (требует декодирования смыслов); недостоверное повествование (наличие вымысла); интертекстуальность (базовое свойство повествования с игровым началом); пародийность (реферирует к предыдущему принципу, имея различные объекты пародирования); наконец, принцип игрового лабиринта (детерминирует структурно-системный характер игрового текста, в хитросплетениях которого должен разобраться читатель) [16]. В последней характеристике совокупно взаимодействуют игровой, синергетический принципы, имеющие герменевтическое основание. Будучи характеристикой художественного пространства, данный принцип, на наш взгляд, представляется базовым при исследовании проблем дискурса, обусловленных современным информационным пространством, в котором различные модели воздействия тормозят процесс понимания.

Выводы

В нашей работе мы охарактеризовали методологические подходы в гуманитарной области знания – герменевтический, синергетический, людический в качестве теоретических предпосылок к исследованию категории адресатности как доминирующей единицы дискурсивного анализа. В процессе анализа установили, что герменевтический подход учитывает различные аспекты исследования, априори реферирующие к анализу категории адресатности в субъективном и интересубъективном направлениях, включая психологический и онтологический ракурсы. Герменевтика как наука о понимании и истолковании вплетает в анализ дискурса свои интерпретативные возможности вплоть до «самопонимания». Представления о субъективном характере смыслоформирования в собственно герменевтической концепции о допонятийных формах понимания («предпонимание», «предвосхищение», «преднамерение», «предмнение») интегрированы в концепцию теории дискурса и представлены в соответствующих понятиях («предконструкт», «стыковка высказываний», «уже сказанное», «уже слышанное»).

Далее, мы показали, что герменевтические «горизонты» коммуникантов проецируются на «диалогизм» в субъект-субъектном взаимодействии, в результате которого создаваемый «конфликтный узел» эксплицирует релевантность «многоакцентности» в качестве «противоречивых акцентов». Реализация герменевтического опыта, представленная в дихотомии «Я» / «Ты» («Другой»), таким образом, требует соответствующих «направляющих линий», реализуемых в категории адресатности в качестве основного понятия субъект-субъектной коммуникации при анализе дискурса.

Герменевтический подход сквозь призму психоанализа («Я» / «Ты»- «Другой») естественным образом интегрируется в область синергетики, в которой актуализируются понятия «коллективное бессознательное», «индивидуальное сознание» (ср. «опыт», «индивидуально-субъективное» и «социально-субъективное» в анализе дискурса), наряду с понятиями собственно синергетической области («хаос», «порядок», «самоорганизация»). Герменевтический «опыт» актуализируется в синергетическом «лабиринте», априори явленном в структурировании «направляющих линий» при реализации категории адресатности в субъект-субъектной коммуникации. Они, в свою очередь, могут быть структурированы («порядок») посредством применения игрового принципа, широко понимаемого в контексте дискурсивных практик в субъект-объектном, субъект-субъектном, абстрактном (ради игры) аспектах. В субъект-субъектной коммуникации категория адресатности актуализируется континуально, полифонично в дискурсивных понятиях («слово-лазейка», “Differance”, «игровой лабиринт», «амбивалентность»).

В результате анализа мы выявили интегративный характер триады «Герменевтика – Синергетика – Игра»: понимание и интерпретация (герменевтика) неоднозначного, т.е. хаотического характера коммуникации (синергетика) возможна при допущении различных вариаций развертывания события (игра). Таким образом, репрезентация интегративности трех подходов с целью теоретического осмысления в области анализа дискурса представляется продуктивным началом для комплексного практического описания и интерпретации категории адресатности сквозь призму субъект-субъектных отношений в широком коммуникативном пространстве. В подобном контексте современный адресат как условный знак реализует отношения адресантно-адресатной коммуникации в информационном потоке в различных, возможно, противоположных, ипостасях с учетом выявленных нами понятий.

Список источников

1. Апаева А. Ю. История герменевтики от Шлейермахера до Гадамера [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-germenevtiki-ot-shleyermahera-do-gadamera-1> (дата обращения: 12.02.2018).
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. 361 с.
3. Борботько В. Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): дисс. ... д. филол. н. Краснодар, 1998. 250 с.
4. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб.: Лань, 1999. 480 с.
5. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 79-128.
6. Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук. М.: Наука, 1995. 382 с.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. 696 с.
8. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
9. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
10. Делёз Ж. Логика смысла. М. – Екатеринбург: Раритет; Деловая книга, 1998. 474 с.
11. Деррида Ж. DIFFERENCE / пер. Е. Гурко // Гурко Е. Тексты деконструкции. Томск: Водолей, 1999. С. 124-158.
12. Дильтей В. Собрание сочинений: в 6-ти т. / под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова; пер. с нем. под ред. В. С. Малахова. М.: ДИК, 2000. Т. 1. Введение в науку о духе. 763 с.
13. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 65-77.
14. Касавин И. Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. 408 с.
15. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.: МГУ, 1982. 481 с.
16. Люксембург А. М. Структурная организация набоковского метатекста в свете теории игровой поэтики // Текст. Интертекст. Культура: сборник докладов международной научной конференции (г. Москва, 4-7 апреля 2001 г.) / РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова; ред.-сост. В. П. Григорьев и Н. А. Фатеева. М.: Азбуковник, 2001. С. 319-330.
17. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: Едиториал УРСС, 2003. 296 с.
18. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 218-260.
19. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме «другого» в дискурсе // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса: сборник статей / ред. П. Серию. М.: Прогресс, 1999. С. 54-94.
20. Потебня А. А. Полное собрание трудов: мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
21. Серию П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса: сборник статей / ред. П. Серию. М.: Прогресс, 1999. С. 12-53.
22. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. Страх. Тотем и табу: сборник / пер. с нем. Я. М. Когана, М. В. Вульфа. Мн.: Попурри, 1998. 496 с.
23. Хайдеггер М. Время и бытие / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
24. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс – Традиция, 1997. 416 с.
25. Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А. Л. Вольского. СПб.: Европейский Дом, 2004. 242 с.

**METHODOLOGICAL APPROACHES IN DISCOURSE RESEARCH
FROM THE PERSPECTIVE OF THE ADDRESSABILITY CATEGORY**

Grushevskaya Elena Sergeevna, Ph. D. in Philology
Kuban State University, Krasnodar
kff-kubsu@yandex.ru

The work deals with the possibility of expanding the theoretical study of the issues related to the analysis of discourse, the leading component of which is the addressability category. The purpose of the article is to substantiate the necessity of using a set of methodological directions – hermeneutic, synergetic, and ludic – to discourse research with the projection on the addressability category. The novelty of the approach is in the comprehension of these directions in the wide space of the humanities knowledge that is necessary for the complex characterization and interpretation of the addressability category through the lenses of subject-subject relations. The results of the research show that the integrative nature of the presented approaches is an effective tool for the complex analysis of various hypostases of communicants.

Key words and phrases: discourse; hermeneutics; synergetics; game; addresser-addressee communication.